

Бедность заставила Лу Цзыяо отдернуть руку. Он тоскливо смотрел на свои 82 очка искупления, думая о том, что до возможности ни в чем себе не отказывать и заказывать еду на дом оставалось получить меньше 50 очков — ужасно жалко тратить 10 очков на какую-то потерю.

Однако едва он открыл интерфейс обмена, как руки у него зачесались. Поколебавшись, он так и не решился выйти. Про себя он твердо решил: сыграет лишь один раз, и если ничего не выпадет, больше никогда не прикоснется к этой «Машине удачи».

Потратив 10 очков искупления, он потянул за рычаг. На пяти экранах одновременно замелькали разные картинки. Спустя примерно три секунды они по очереди слева направо остановились.

На экранах появились изображения, похожие на цветные QR-коды. Из-за их сложности Лу Цзыяо так и не понял, одинаковые они или нет.

Но аппарат тут же разразился веселым голосом маленькой девочки:

«Поздравляем с выигрышем! Приз: слиток серебра, вес: пять лянов. Желаем приятных покупок!»

Лу Цзыяо потребовалась всего секунда, чтобы подсчитать: по ценам уличных лотков на оживленном рынке столицы на пять лянов серебра можно купить две тысячи мясных булочек!

Эта инвестиция однозначно окупилась!

Судя по скупости системы, 130 очков хватит лишь на то, чтобы открыть одну ячейку магазина, да и товары там явно не из дешевых — наверное, за одно яйцо просят целое очко.

А сейчас он потратил всего 10 очков и получил пять лянов серебра! Если перевести это в яйца, ими можно обернуть Землю по экватору!

Такая удача искушала Лу Цзыяо продолжить, но он обладал высокой самодисциплиной и знал, когда нужно вовремя остановиться.

В конце концов, открытие магазина — вот долгосрочная цель, нельзя разбазаривать очки ради сиюминутной сомнительной выгоды. Посему он решительно остановился.

Машина удачи спроецировала полученный приз прямо перед ним.

Свеженький слиток казенного серебра.

Под серебром появилось две кнопки: и .

Лу Цзыяо рассудил, что он — восьмилетний ребенок, да еще и спит в покоях старой госпожи, так что носить при себе серебро слишком рискованно — быстро обнаружат. Поэтому он выбрал хранение.

Рано утром старая госпожа, едва умывшись и приведя себя в порядок, пришла в теплый павильон навестить любимого внука.

Увидев румяное и бодрое личико Лу Цзыяо, старая госпожа обрадовалась и велела служанкам подать богатый утренний пир, да еще и сама кормила Лу Цзыяо и поила его супом.

Посреди трапезы госпожа Чэнь из третьей ветви семьи пришла вместе со своим сыном Сюэ Цюном, чтобы засвидетельствовать почтение старой госпоже.

Вся челядь в комнате немного растерялась.

Старая госпожа была свекровью сговорчивой: еще в молодости она освободила невест от утренних ритуалов и не любила, когда ее беспокоят без дела. Кто бы мог подумать, что госпожа Чэнь вдруг придет выслуживаться?

Старая госпожа, конечно же, не стала отвергать ее порыв и заставлять терять лицо. Она пригласила госпожу Чэнь и Сюэ Цюна за стол, а сама слегка отстранилась, передав пиалу и палочки служанке, чтобы та кормила Яо-гера.

Кроме как по праздникам да на дни рождения, Сюэ Цюн никогда не ел в покоях старой госпожи. Глядя на уставленный лакомствами стол, он аж глаза выпучил!

Заметив, как служанка непрерывно подкладывает еду в пиалу Лу Цзыяо, Сюэ Цюн суетливо потянулся палочками к самому большому куску рыбы с брюшка и стал выбирать самые сочные кусочки свиных ребрышек в кисло-сладком соусе.

Старая госпожа вроде бы и взгляда не подняла, но краем глаза все прекрасно видела, и на ее лице промелькнуло отвращение.

Госпожа Чэнь едва не лопалась от злости. Под столом она больно щипнула сына за ногу.

Перед приходом она учила его, как войти в доверие к старой госпоже, как говорить приятные слова, как заискивать и выслуживаться.

В своей комнате мать с сыном даже репетировали! Кто ж знал, что, войдя сюда, сын не вытащит из себя и пары слов, а уставится выжупленными глазами на еду. Она так разозлилась, что готова была дать ему пинка!

А потом она посмотрела на маленького паршивца, рожденного наложницей Чжоу: тот, напротив, выбирал самые лучшие кусочки и клал их в пиалу старой госпожи, причем с таким искренним выражением лица, какое даже взрослый не сумел бы сыграть.

«Что вообще происходит?» — усомнилась госпожа Чэнь.

С чего это маленький паршивец словно переродился? Раньше ведь был чурбаном чурбаном!

Лу Цзыяо не догадывался о мыслях госпожи Чэнь. Просто из-за недавно полученных пяти лянов серебра у него было отличное настроение. Он чувствовал, что благодаря падению старой госпожи у него появился этот шанс, поэтому искренне выражал благодарность, без грамма лести.

Через три дня его нога перестала болеть, но в поместье ему дали отгул на пять дней.

Когда он снова вернулся во дворец на учебу, то обнаружил, что третий принц и остальные слуги-сопровождающие сидят повесив носы, утратив былую спесь. Они сидели в Шаншуфане тише воды ниже травы, даже не шептались.

Очевидно, за те дни, что его не было, произошло что-то серьезное.

Неужели их поставил на место главный герой — Лун Аотянь?

Да нет, седьмому принцу сейчас всего три года, ему пришлось бы встать на ходули, чтобы дотянуться до лица третьего принца — тут при всем желании не дотянешься.

После занятий Лу Цзыяо разыскал другого сопровождающего по имени Цинхэ, чтобы расспросить о событиях прошлых дней.

От этого вопроса из Цинхэ водопадом выплеснулись все накопившиеся обиды. Он начал жаловаться Лу Цзыяо:

— Хорошо тебе: случилась беда — и ты взял отгул! Позавчера Император лично пришел в учебный кабинет с допросом. Его Высочество сломал маленькую деревянную лошадку-качалку седьмого принца, а Император заявил, что это мы, сопляки, подстрекали братьев к раздору, и всыпал мне как следует!

С этими словами Цинхэ протянул со слезами на глазах свои замотанные бинтами руки:

— Мало того что отлупили, так еще и заставили переписывать книги! У меня руки только сегодня опухать закончили, а в тот день, когда пришел домой, они аж посинели от отека! Яогер, я ведь зубы сжал и ни словом не обмолвился, хотя в тот день всю эту кашу заварил ты!

У Лу Цзыяо аж поджилки затряслись. Он поспешно оттащил Цинхэ в угол дворцовой стены и принялся утешать:

— Братец, я по достоинству оценил твой поступок! Скажи, какую книгу надо переписать, я все сделаю за тебя. А если сегодня есть время, я прямо сейчас отведу тебя в трактир подкрепиться!

Цинхэ отмахнулся:

— Да разве мне сейчас до еды?! Проблема не только в переписывании книг! Император велел нам за пять дней загладить вину перед седьмым принцем и добиться его прощения, иначе нас всех вышвырнут из дворца! Твой отец служит в Ведомстве ритуалов, ему легко найти возможность снова устроить тебя во дворец, а вот моей карьере придет окончательный конец!

У Лу Цзыяо потемнело в глазах!

Как бы не так! Он-то действительно мог бы вернуться к третьему принцу через отца, вот только на это наверняка придется потратить кучу связей и денег на взятки.

С нищенским состоянием господина Сюэ, если тот узнает об этом, он сначала забьет сына до полусмерти!

Сердце Лу Цзыяо заколотилось как бешеное.

Успокоившись и тщательно покопавшись в памяти, он вспомнил: в романе вообще не упоминались события с участием такого пушечного мяса восемнадцатого плана, как он!

Вот уж действительно беда свалилась на голову.

Загладить вину перед седьмым принцем за пять дней...

Если бы его действительно можно было умаслить, разве через двадцать лет он отрезал бы ему ухо?!

Князь Нин — ужасно злопамятный тип!

Что же делать? Если не загладить вину, через пять дней его жестоко избьет господин Сюэ, а через двадцать лет князь Нин оттяпает ухо и отшлепает по попе.

Нельзя допускать такого!

Что бы ни случилось, нужно добиться его прощения!

Разве он не обычный трехлетний ребенок? Пухленький карапуз, наверняка сладкоежка, глядишь, какой-нибудь вкусняшкой и задобришь!

— Чего застыл? Опешил от страха? — Цинхэ толкнул его.

Лу Цзыяо пришел в себя и с полнейшей серьезностью произнес:

— Не волнуйся, я знаю, что делать. Сегодня во второй половине дня пойдем во дворец си-фэй и попросим прощения у седьмого принца.

Цинхэ ахнул от ужаса:

— Ты что, считаешь, мне палок мало досталось? Сам напрашиваешься, чтобы си-фэй нас избила?!

Примечание автора:

Заявляю во всеуслышание: второй молодой господин Сюэ пренебрежительно назвал своего муженька пухленьким карапузом.

Кое-кто из детенышей Лун Аотяня насторожил ушки и настороженно обернулся!

— Братец, будь спокоен. Мы идем во дворец Цинцюн с извинениями по указу Императора. Даже если седьмой принц не захочет простить нас, расправляться с нами будет Император, си-фэй не станет чинить произвол.

Лу Цзыяо на самом деле плохо разбирался в дворцовом этикете, но точно знал, что си-фэй их не тронет.

Си-фэй была танцовщицей, принесенной в дань Императору Великой Ци чужеземным государством. За невероятную красоту Император сделал ее наложницей, а после рождения сына возвел в ранг фэй.

Согласно описанию в оригинале, хотя Великая Ци терпимо относилась к вассальным государствам, на престол ни за что не допустили бы человека с чужеземной кровью. Поэтому князь Нин, хоть и пользовался огромной любовью правителя, выживал в щелях между фракциями и никогда не становился мишенью для своих шестерых братьев, боровшихся за трон.

Что же касается си-фэй, то как мать Лун Аотяня она по логике вещей должна быть женщиной кроткой и великодушной. Она ни за что не стала бы пытаться восьмилетнего ребенка вроде Лу Цзыяо из-за сломанной игрушки сына.

В оригинале ее характеру уделялось не так много места, в основном создавалось впечатление неземной феи, чуждой мирской суете.

Сюжеты с ее участием сводились главным образом к описанию ее неземной красоты — настолько ослепительной, что даже после смерти Императора, когда князь Нин уехал в свои удельные земли, до него постоянно доходили слухи, будто кто-то в столичном дворце положил глаз на его родную мать.

<http://bllate.org/book/18379/1766770>